

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА НОМИНАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ

© 2006 Т.Н. Голицына

Воронежский государственный университет

Одним из аспектов познавательной деятельности человека является осознание ее субъектом недостаточности той информации, которой он располагает. Ситуация информационного поиска — это познавательная ситуация, особенностью которой часто является информационная неопределенность. Эта ситуация имеет непосредственное отношение к эпистемологии. Эпистемология — наука о природе познания. Традиционно — это часть философии. В двадцатом веке эпистемологические теории стали использоваться в гуманитарных науках: психологии, эстетике, лингвистике. Для лингвистики особенно интересны эпистемические исследования проблем модальности. Эпистемическая модальность — это способ выражения отношения субъекта речи к своему знанию: известно, неизвестно, предполагается, возможно и т. п. Эта рефлексия находит свое выражение в выборе определенных речевых средств, которые в русском языке достаточно многообразны. Нас заинтересовали прежде всего высказывания с ментальными предикатами [1], высказывания с неопределенными местоимениями и вопросительные высказывания (предложения).

При анализе семантических признаков ментальных предикатов в качестве семантического ориентира можно выбрать глагол *знать* в высказываниях *Я знаю, что Р*.

Глагол *знать* имеет значение *располагать какими-либо сведениями, быть осведомленным относительно чего-либо, обладать знаниями*, т. е. несет инвариантное значение “иметь информацию”. Ср.: *Вначале я еще сомневался, но теперь знаю, что произошло. Заметь, я не говорю думаю, я говорю знаю!* (А. Агеев).

Глагол *знать* может появляться в речи в том случае, если:

1) говорящему необходимо явно “обнаружить” свою осведомленность, ср.:

— *Я живу в центре города.*

— *Я знаю, где ты живешь,*

2) определенные сведения избыточны:

— *Знаешь, князю приготовили на его шестидесятилетие юбилейный торт из марципана.*

— *Знаю.*

— *Я тебе уже об этом рассказывал?*

— *Много раз* (А. Агеев),

3) собеседник сомневается в уровне владения информацией и говорящему следует разубедить его:

— *Я знаю стихотворение* (если кто-то думает, что я не знаю стихотворения, то он ошибается).

Вместе с тем, дать исчерпывающую характеристику семантическим функциям высказывания “Я знаю” — задача практически неразрешимая. По поводу глагола *знать* велась дискуссия еще в лингвистической философии: ее представителей особенно интересовал переход от интенциональных состояний к лингвистическим актам. Например, Дж. Остин [4] предлагает различать две основные модели употребления выражения “Я знаю”: в первой речь идет об отношении субъекта высказывания к внешним обстоятельствам (Я знаю, что это дерево — дуб), вторая связана с характеристиками психических состояний других людей (Я знаю, что этот человек сердится). Большинство проблем связано с интерпретацией второй модели, т. к. подобные высказывания внутренне противоречивы: как можно утверждать, что некто знает о чужих чувствах и переживаниях, если он не может проникнуть в душу к другому человеку. По мнению Дж. Остина, правомерность выражения “Я знаю” во второй модели может оправдываться нашей способностью или идентифицировать себя с другим человеком, или делать выводы о том, что он чувствует, анализируя внешние симптомы проявления этих чувств.

Современные представители лингвистической философии сумели выделить 12 различных ситуаций, в которых может применяться формула “Я знаю”. Но, по мнению Н. Малкольма, именно первая модель (Я знаю, что это дерево —

дуб) является непродуктивной, т. к. нет смысла употреблять глагол *знать* по отношению к фактам, которые и так всем очевидны. В этом случае данная конструкция избыточна. Логика подобных рассуждений может показаться убедительной, но следует считаться и с точкой зрения Дж. Мура, который полагал, что человек способен непосредственно сознавать свое состояние — чувства, настроения, и его знания являются особым ментальным состоянием, которое может стать объектом самоанализа и самоотношения.

Остальные ментальные предикаты анализируются проще, т. к. в них вполне очевидно выражена позиция субъекта по отношению к тому, что утверждается или отрицается.

Так, в высказывании *Я считаю, что Р* в значительной степени выражен аксиологический аспект, т. е. субъект высказывания апеллирует прежде всего к системе своих ценностей. У субъекта есть некоторое представление об истинных характеристиках объекта информации. В то же время ценностная аргументация делает неизбежным акцентирование личной интенции. Глагол *считать* может быть охарактеризован как предикат со значением аксиологической квалификации.

В семантике предиката *полагать* (близкого к *считать*) предполагается некоторое допущение существования другой точки зрения у субъекта, к тому же более выражен рефлексивный момент.

Предикат *думать* подчеркивает, что субъект находится в процессе поиска, это в большей степени аналитическая характеристика собственного отношения к информации: субъект ищет аргументы для обоснования своего высказывания. При этом личностная интенция сохраняется. Предикат *думать* можно охарактеризовать как предикат, сигнализирующий аналитическую квалификацию.

В семантике предикатов *признавать* и *допускать* есть указание на то, что субъект ранее имел иное отношение к информации, и это отношение под влиянием определенных обстоятельств изменилось. Ср.: *Я признаю, что он прав. Я допускаю, что он прав.*

Предикат *сомневаться* указывает на отрицательное отношение субъекта к предмету речи. На наш взгляд, это выражение наиболее оппозиционного положения субъекта, при котором значение высказывания *Я сомневаюсь, что Р*, в целом утвердительное, приближается к отрицательному значению. Ср.: *Я сомневаюсь, что он прав. — Он неправ.*

Предикат *предполагать* сигнализирует значение допущения, догадки как результата предварительных размышлений: *Я предполагаю, что он прав.*

Глагол *подозревать*, близкий по значению к глаголу *предполагать*, указывает, что предположение, догадка субъекта является нежелательной, а информацию не хотят обнаружить явно: *Я подозреваю, что ты от меня многое скрываешь.*

Особым вариантом формулы “Я знаю” следует считать высказывание типа: *Я ощущаю, что Р, Я чувствую, что Р, Я представляю, что Р.* Их особенностью является ссылка на информацию, исходящую непосредственно от органов чувств субъекта высказывания. Дифференциация этих высказываний должна осуществляться по степени чувственной обусловленности их содержания. Исходный вариант этого типа суждений — утверждение “Я ощущаю”, т. к. оно основано на физиологически обусловленных данных собственных органов чувств субъекта. Ср.: *Я ощущаю, что мне больно.* Следует отметить, что глагол *ощущать*, являющийся инвариантным для *вижу, слышу, обоняю, мне жарко, больно* и т. д., мало употребителен в русском языке. Напротив, высказывание *Я чувствую* широко распространено. Его главное отличие состоит в том, что оно отражает большую субъективную осознанность собственных переживаний. Таким образом, *Я ощущаю* — это рефлексия по отношению к своим собственным физиологическим процессам, *Я чувствую* — это рефлексия по отношению к своим собственным психическим состояниям и образам.

Конструкция *Я представляю* содержит указание на активное творческое начало, т. к. речь идет об образах, создаваемых субъектом, причем субъект воспринимает эти образы как созданные именно им, ср.: *Я представляю, что с нами будет.*

Ментальные предикаты связаны с такими категориями высказывания, как авторизация, достоверность, категоричность. Как известно, предлагаемая информация должна быть квалифицирована с авторских позиций.

Авторизация предполагает оценку источника излагаемой информации. Автор обязан сообщить, своя это информация или чужая, каков способ ее получения. Авторизационная характеристика содержания обязательна, но наличие ее показателей не обязательно. По мнению Т. В. Шмелевой, глаголы типа *считать* являются специальными средствами авторизации. С одной стороны, они указывают на субъективность информации, с другой, по мнению Дж. О. Урсона [7], на склонность субъекта к определенному поведению.

Уверенность, категоричность выражаются в том случае, если ситуация проблематична: спор, дискуссия и под [6]. Уверенность и категоричность субъекта высказывания в той информации,

которой он располагает, передается глаголами *знать, считать*. Все остальные предикаты передают мнение некатегорическое.

В познавательных операциях — в ситуации информационной недостаточности — принимают участие высказывания с неопределенными местоимениями. Эти высказывания используются для того, чтобы ввести информацию о наличии неизвестного (субъекта, объекта, обстоятельств) в вербальный контекст.

По мнению лингвистов, самым интересным носителем незнания являются неопределенные местоимения. В первую очередь — это местоимения *кто-то, что-то* и т. д., т. е. местоимения неизвестности, именно незнания, которое они выражают в своем основном значении [5].

Местоимения *кто-то* и *что-то* функционируют в высказываниях с неизвестными актантами. Неизвестными являются агенс, коагенс, инструмент и другие. Информация о неизвестных персонажах вводится модусом “я не знаю” и может быть интерпретирована следующим образом: из-за отсутствия данных говорящему неизвестно, кто или что принимает участие в событии. При этом говорящий может демонстрировать максимальную степень неосведомленности об участниках. Ср.: — *У Вас в сарайчике в саду припрятан пакет. — У меня в саду? Не может быть. — Кто-то его туда подложил. Я ничего об этом не знаю* (Т. Толстая). *Она сама знала о случившемся весьма приблизительно. — Кто-то при ней проговорился* (Т. Толстая). В такого рода высказываниях местоимение *кто-то* употребляется автономно.

Между тем говорящий может вводить в высказывание определенные элементы, которые характеризуют неизвестный субъект. Имеются в виду сочетания *кто-то в этом роде, кто-то из, кто-то страшный* и под. Вводя эти показатели, автор (говорящий) несколько снижает степень информационной недостаточности, хотя степень информативной неизвестности обусловлена семантикой словесного окружения местоимений. Ср.: *Кто-то из ныне живущих, кто-то из нас двоих, кто-то из друзей*. Говорящий задает круг субъектов (коагенсов), которые причастны к событию. *Ныне живущие* — понятие большого объема, практически не поддающееся исчислению. *Кто-то из нас двоих* = ты или я. Дается указание на предельно уменьшившуюся неизвестность.

В качестве конкретизаторов могут использоваться определения, которые указывают на внешние и внутренние признаки субъекта. Эти определения могут быть как объективными, так и субъективными. Ср.: *Проходя торопливо через поляну, Арина Дмитриевна увидела кого-то художого с кудрявыми светлыми волосами* (М. Кузмин);

Кто-то мрачный преследовал меня во сне (К. Бальмонт). *Кто-то нежный и красивый мучил меня своей любовью* (К. Бальмонт).

Дополнительная информация о неизвестном актанте может быть представлена и описательно. Ср.: *Кто-то не только бывал в этом доме, но и хорошо знал, где и что лежит* (В. Константинов) = *Кто-то бывавший в доме и знавший, где и что лежит*. По всей видимости, вводя дополнительные характеристики, говорящий стремится описать неизвестное, дать хотя бы его потенциальные признаки.

Возможны высказывания с *кто-то*, в которых неизвестный субъект представляется не столько как неизвестное лицо, сколько как некое начало, сила, образ. Ср.: *Кто-то поселился в моем сердце* (К. Бальмонт); *Меня на протяжении уже долгой жизни не оставляет ощущение, что я кем-то ведом* (В. Топоров). Думается, что в этом случае говорящий пытается сообщить о неясном, неочевидном для самого себя душевном процессе, который с большим трудом поддается определению или даже частичной идентификации. Не случайно, что данные высказывания метафоричны. По-видимому, метафорический контекст — это инструмент преодоления трудностей самоидентификации.

В высказываниях с предикатами *должен, необходимо* известны цель и необходимость осуществления действий. Ср.: *Именно они поставили мир на грань катастрофы, когда серые и бездарные личности диктуют правила игры. Ведь кто-то должен все это остановить* (В. Константинов); *Рано или поздно кто-то должен выяснить, что же происходит в кладбищенской беседке* (М. Кузмин); *Кому-то необходимо справиться с этим злодейством* (С. Городецкий). На мой взгляд, субъект в данном случае максимально обобщен. Под *кто-то* подразумевается группа лиц, некая организация. Говорящий не дифференцирует субъект, и в то же время субъект не может быть любым, безразлично кем. По всей видимости, такого рода высказывания являются способом выражения неприятия происходящего.

Как известно, понятие неизвестного предмета, которое фиксируется местоимением *что-то*, более отвлечено, чем понятие *неизвестное лицо*. В целом, *что-то* указывает на не опознанный и не идентифицированный говорящим предмет. Ср.: *Что-то сверкает на солнце, что-то упало, он что-то несет*. Однако при определенных контекстных условиях идентификация этого *что-то* может быть предопределена. Так в сочетаниях с глаголами физического действия (разбить, упасть, звучать, раскрыться и под.) очевидна предметная сфера. Ср.: *Чуть слышно что-то звякнуло. Он безошибочно определил, что Лена*

достала из холодильника кастрюлю и поставила ее на огонь (В. Константинов).

В сочетаниях местоимения *что-то* с глаголами речи, восприятия, интеллектуальной деятельности, потенциальным *чем-то* могут быть речь, слова, письмо, информация и под. Ср.: — Она **что-то** случайно услышала. — Что? — Она мне не сказала (С. Городецкий); Священник **что-то** писал (М. Кузмин); Несколько лет спустя один из воспитанников литературного клуба рассказал ей **что-то** (В. Топоров); Она **что-то** пела, бормотала (Г. Баженов).

В высказываниях с предикатами перемещения в пространстве (лететь, нестись, промелькнуть и под.) *что-то* может оказаться и лицом, и животным. Ср.: С неимоверной скоростью **что-то** пронеслось мимо Вензеля. Это была его неразделенная любовь Елена Шварц на велосипеде (В. Топоров); **Что-то** пролетело над моей головой. Гляжу — птица (Г. Баженов).

Благодаря высказываниям с местоимением *что-то* говорящий имеет возможность описывать внутреннее состояние субъекта. При этом субъект не может определить, что он испытывает, что с ним происходит.

Ср.: Меня вдруг **что-то** остановило (В. Топоров); Сердце мое не воспыало гордостью. Нет. **Что-то** внутри меня умерло (К. Бальмонт). С помощью этих конструкций субъект информирует о том, что он не осведомлен в достаточной степени о своих собственных состояниях (психических, физиологических), о своих переживаниях. Субъект осознает происходящие изменения. Но, когда речь идет о внутреннем переживании, очень сложно определить, что же происходит с субъектом. Это может быть некое предчувствие, неведомое начало. Субъект таким образом фиксирует свою реакцию на стимулы, природа которых ему не подвластна. Контекст метафоричен.

Местоимение *что-то* имеет свойство сочетаться с оценочными предикатами типа странный, важный, устрашающий и под. Ср.: В ней есть **что-то** устрашающее (Т. Толстая); В последние два года с ним действительно творилось **что-то** странное. Сами свойства, которые обозначают предикаты, не конкретизированы. Под категорию “странных”, “страшных”, “сверхъестественных” и под. могут быть подведены разные признаки любых предметов, которые оказались для говорящего непонятными, пугающими и т. д., поскольку они производят эффект несоответствия реального и ожидаемого. В этих сочетаниях происходит своеобразное “наложение” достаточно пространственных значений самих предикатов и неопределенного местоимения *что-то*. Один аспект информационной недостаточности

накладывается на другой. В принципе, употребление местоимения *что-то* в такого рода высказываниях, на мой взгляд, избыточно. Без местоимения *что-то* их смысл кардинально не меняется. Ср.: С ней действительно творилось странное; В нем есть устрашающее. Однако в речи такого рода примеры достаточно частотны. Видимо, с помощью таких конструкций говорящий стремится показать собственный поиск, продемонстрировать процесс поиска нестандартной характеристики. Говорящий как бы находится в состоянии нахождения словесной формы, которая была бы наиболее адекватной его коммуникативному замыслу.

Предварительный анализ высказываний с местоимениями *кто-то* и *что-то* позволяет считать, что они участвуют в передаче разных видов неизвестности.

Во-первых, это способ выражения вербального переживания говорящим своего действительного незнания, неосведомленности о ком-то, о чем-то.

Во-вторых, это способ выражения рефлексивных операций, т. е. желания разобраться в содержании и мотивах собственных переживаний.

В-третьих, это способ выражения состояния субъекта, который “блуждает” в поисках адекватной номинации.

Как известно, любой акт познания опосредован вопросами, начинается с вопросов. По мнению Р. Конрада, вопросительная ситуация возникает тогда, когда появляется “состояние незнания” [2].

Профессор И. П. Распопов подразделял вопросительные предложения на собственно-вопросительные, удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные [6]. Это деление предполагает, что запрос информации ориентирован на разную степень “знания”. Так, собственно-вопросительные предложения выражают вопрос, который требует конкретного развернутого ответа. Они могут полностью “утолить информационный голод” субъекта: Который час? Какая сегодня погода? Что собираешься делать?

Собственно-вопросительные предложения обязательно включают в свой состав вопросительные местоименные слова. Они служат ориентирами для собеседника: чем конкретно интересуется говорящий (кто, что, где, когда, почему и т. д.).

Между тем среди собственно-вопросительных предложений можно выделить такие предложения, в которых, помимо вопроса, содержится сообщение. С их помощью запрос информации осуществляется несколько по-другому. Рассмотрим примеры.

— *Почему вы не остались с Любимовым, а выбрали Губенко?* (из интервью с Зинаидой Славиной). Это вопросительное высказывание может быть интерпретировано следующим образом: интервьюер сообщает о двух режиссерах в одном театре, о разделении, о выборе актрисы. Ему неизвестны мотивация и причины выбора. Именно о них он спрашивает.

— *В какой степени кризис отразился на искусстве оперы?* (из интервью с Борисом Покровским). Интервьюер говорит о кризисе в современном искусстве, его интересует, есть ли кризис в опере.

— *Почему вы ушли из Большого театра?* (из интервью с Борисом Покровским). Напоминается, что Покровский долго работал в Большом театре. Проблематична причина его ухода.

— *Какой она (Наталья Давыдова) была певицей?* (из интервью с Борисом Покровским). Сообщается, что в Большом театре была певица Н. Давыдова. Интервьюер хочет знать, как она пела.

— *А как же ваша Шарлотта в “Вишневом саде”?* (из интервью с Зинаидой Славиной). Сообщается, что Славина играла роль Шарлотты. Эта роль не соответствовала амплу актрисы. Как она с ней справилась?

В вопросительных предложениях этой структуры субъект демонстрирует свою посвященность, достаточную информированность, причастность. Вопросы возникают как результат наличия у субъекта определенного знания. Их можно квалифицировать как вопросительные предложения “расширительной” информированности.

Удостоверительно-вопросительные предложения строятся на базе сложных синтаксических конструкциях типа: *правда ли, что; верно ли, что*. Ср. примеры:

Верно ли, что в числе тех счастливых были и вы, будущая звезда Таганки? Правда ли, что Любимов мог и наорать? (из интервью с Зинаидой Славиной); *Правда ли, что у нас женщин (журналистов) за границу не выпускают?* (Л. Шевякова).

По сути, в данном случае мы имеем дело с сообщением конкретной информации, говорящий ждет ее подтверждения (в первую очередь) или отрицания со стороны собеседника:

— *Правда, что Любимов мог и наорать?* — Юрий Петрович всегда говорил вслух все, что думал. Какой там шепот! (из интервью с Зинаидой Славиной).

Предложения с *правда, верно* интерпретируются так. Дана информация о событии (факте), она исходит от “другого” (лиц, источников). С помощью этой конструкции вводится как бы новый источник информации. Эта вопроситель-

ная форма дает возможность получить дополнительную информацию, которая подтверждает или отрицает ту, что уже имеется, и проверить ее (верификационный вопрос).

К этому же типу вопросительных предложений относят и вопросы, оформленные с помощью частиц *ли, неужели, разве*. Ср. примеры:

— *Дело прошлое, Зинаида Анатольевна. Был ли роман? Выиграл ли от этого зритель?* (из интервью с Зинаидой Славиной). *Есть ли предел в естественных науках, край, за которым нечего будет изучать и исследовать? Была ли какая-то причина, по которой наши ученые почти тридцать лет не получали Нобелевских премий?* (из интервью с Жоресом Алферовым).

Смысловое устройство вопросов с частицей *ли* можно представить следующим образом: есть информация о некоем событии, но ее достоверность вызывает сомнение. Субъект демонстрирует свою отстраненность от располагаемой информации. В данном случае нет открытого противопоставления одного информационного блока другому. Этот вопрос имеет характер дизъюнкции. Собеседнику надо выбрать из двух возможных ответов единственный истинный ответ.

Вопросительные высказывания с частицами *разве, неужели*, на наш взгляд, в сфере поиска информации нерелевантны, т. к. в их значении может наличествовать оценка, а не запрос информации. Ср. примеры:

Разве можно строить жизнь в противовес кому-то? Неужели надо было пять лет учиться в университете и еще пять лет трудиться, чтобы стать наконец помощником секретарши, даже очень ответственной? (Л. Шевякова). *Неужели вот тот — это я? Разве мама любила такого?* (В. Ходасевич); *Рассказывают, что, когда умер Высоцкий, вы прибежали к Золотухину со словами: “Ты — следующий. Или Бортник”. Неужели на Таганке так много пьют?* (из интервью с Зинаидой Славиной).

По смыслу и функции эти высказывания близки к риторическим вопросам. Они выражают эмоциональное отношение, представляют собой негативное утверждение.

Удостоверительно-вопросительные предложения частного характера обычно строятся на базе простых синтаксических конструкций того же лексико-грамматического состава, что и повествовательные предложения. Значение вопроса они приобретают с помощью специального интонирования, выделения сказуемого или другого грамматического члена, которые таким образом выражае. запрос информации. Ср. примеры:

Вы общаетесь со старыми товарищами “по ту сторону” Таганки? (из интервью с Зинаидой Славиной); *Вы были счастливы в Большом теат-*

ре? Вы поняли, что ждет искусство? (из интервью с Борисом Покровским).

Такого рода вопросы можно было бы назвать прогнозирующими, т. к. ответы на них позволяют сделать вывод о возможностях, предпочтениях собеседника, определить его статус. Ср.:

— У вас есть формула успеха? — Какой-то ярко выраженной мечты у меня нет. У меня есть интерес. У человека обязательно должен присутствовать в жизни и работе какой-то положительный азарт. Работа депутата открыла мне новую дверь: новый мир, новые возможности. И, когда я понимаю, что могу что-то исправить в нашей законодательной системе, я получаю колоссальное удовлетворение. И, представьте себе, чувствую себя полностью счастливым человеком (из интервью с Андреем Скочем).

В предположительно-вопросительных предложениях, как известно, уже содержится потенциальный ответ о реалиях, неизвестных говорящему. Ответ может подтверждаться собеседником, а может быть заменен другим ответом. Этот тип вопросительных предложений по структуре также соответствует повествовательным предложениям. Сущность вопроса выражается интонацией. Ср., например:

Ее ты тоже боишься? Тебе не нравится мой обед? Но ты же не веришь в бога? Ты ведь мой лучший друг? (Л. Шевякова).

В качестве ответных реплик на предположительно-вопросительные предложения могут служить *да* и *нет*. *Да* подтверждает ожидаемый субъектом ответ, *нет* сигнализирует о несоответствии ожидаемого и полученного ответов. В этом случае отрицание следует аргументировать. Ср.:

— Тебе не нравится мой обед?

— Нет! Сациви совершенно резиновое. А пирог? Даже самая плохая хозяйка не сделает у нас такое клейкое тесто и пережаренную начинку! (Л. Шевякова).

Предположительно-вопросительные предложения свидетельствуют о том, что у говорящего сложился некий стереотип относительно имеющейся информации. Собеседник должен его подтвердить или отвергнуть.

Анализ вопросительных предложений позволяет считать, что среди вопросительных предложений в русском языке мало вопросов с нулевой или минимальной информацией. Большин-

ство вопросов возникает из результатов предшествующего знания. Субъект может располагать достаточно точной информацией, а может быть осведомлен о ситуации частично. Кроме того, содержание вопросительных высказываний имеет познавательное значение, т. к. выполняет функцию организации данных, связывает неизвестное с тем, что дано, известно.

Проблема координации человека в мире его знаний и представлений остается трудноразрешимой, т. к. она соединяет и субъективные, и объективные элементы бытия человека, отражает взаимодействие сферы фактов и сферы мнений. Но для современного социума ее решение необходимо. И поэтому требуется дальнейшее описание всех средств языка, с помощью которых человек определяет свое положение в мире культурных знаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицка А. Введение // Семиотика. Семантические примитивы. — М., 1983. — С. 225-253.
2. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 349-384.
3. Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения “Я знаю” / Н. Малкольм // Философия, логика, язык. — М., 1987. — С. 24-95.
4. Остин Дж. Чужое сознание / Дж. Остин // Философия, логика, язык. — М., 1987. — С. 48-95.
5. Падучева Е. В. Кто же вышел из “Шинели” Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) / Е. В. Падучева // Известия АН. Серия литературы и языка. — 1997. — Том 56. - № 2. — С. 20-27.
6. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке / И. П. Распопов. — М., 1970. — 186 с.
7. Урмсон Дж. О. Парентетические глаголы / Дж. О. Урмсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 196-216.
8. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева. — Красноярск, 1988. — 212 с.

Рецензент Н. М. Вахтель.